

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В.Б. ПАСТУХОВ

Русский неомарксизм

"В самый трудный и ответственный час нашей истории мы находимся в состоянии идейной анархии и распутицы, в нашем духе совершается гнилостный процесс, связанный с омертвлением мысли консервативной и революционной, идей правых и левых... Созревание России до мировой роли предполагает ее духовное возрождение".

Н. Бердяев

Каждый новый день той своеобразной, длящейся более пятнадцати лет смуты, которая в зависимости от социальной позиции и общественного темперамента наблюдателя воспринимается то ли как кризис старого, то ли как рождение нового, все больше наводит на мысль, что мы имеем дело со смутой скорее духовной, нравственной, чем с политической или экономической. Попытки лечить социальный недуг экономическими и политическими мерами проваливаются одна за другой. Рецепты, вполне разумные и, видимо, где-то себя неплохо зарекомендовавшие, оказываются бесполезными, сталкиваясь с отечественной действительностью. Очевидно, есть нечто более глубокое и существенное, чем чисто социальные, экономические или политические проблемы, что лежит в основе всех кризисных явлений и поэтому отторгает любые локальные попытки их преодоления. Это "нечто" есть **масштабный духовный кризис**, охвативший все слои российского общества без исключения, сбивший нравственные ориентиры и размывший этические ценности, лишивший страну внятных целей и действенных мотивов. Без восстановления нормального "этического поля" любые частные мероприятия политико-экономического характера будут оставаться безответными, тонуть в сумраке духовного хаоса современной жизни.

Как всегда во времена тяжкие, велик соблазн быть увлеченными ложными пророчествами и идеями национального спасения. «Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: "я Христос", и многих прельстят» (Мат. 24, 5). Русская "национальная идея" превратилась сегодня в летучего голландца эпохи посткоммунизма. Уже сами ее вечные поиски могут считаться особенностью национального характера и потому заслуживают пристального внимания.

Общепризнанной чертой русского самосознания является его **склонность к глобальным обобщениям и пристальное внимание к отдаленному будущему** (будь то "царствие Божие" или "коммунизм"). Русские более, чем другие народы, не могут

жить без того, чтобы видеть целостную картину мира и великую историческую цель¹. И то и другое в течение почти ста лет большинству россиян предоставлял "русский марксизм" – причудливая смесь передовых европейских теорий своего времени с русским революционным атеизмом (который, в свою очередь, был антитезой русского православия)².

Русский марксизм – это своеобразное мирозерцание, обеспечивавшее относительную стабильность состояния русской души за счет способности все объяснить и сформулировать главную цель общественного развития. По своей природе он более близок не к теории, а к великим мировым религиям, и стоит в одном ряду с христианством, иудаизмом, исламом, буддизмом и конфуцианством.

Русский марксизм рухнул вместе со всем привычным укладом советской жизни в конце 80-х гг. XX столетия. Принято считать, что ему на смену в качестве новой русской идеологии пришел либерализм. Однако марксизм *не был теоретически преодолен или переосмыслен*. Его признали "практически" бесполезным, не нашедшим подтверждения "в реальной жизни". На фоне крушения политических и экономических институтов, ценностей, ориентиров, политических режимов и государственных границ эта потеря оказалась самой незаметной. Тем более, что на освободившееся место хлынул такой поток новых идей, которого, казалось, должно хватить на несколько поколений.

По марксизму в России даже не стали справлять поминак. Не успели, в суете не до того было. А зря, ведь незахороненные души превращаются в призраков, имеющих обыкновение беспокоить по ночам самозванных наследников. И вот на фоне салонной музыки европейского либерализма начинают доноситься грубо "материальные" хриплые выкрики неприкаянного и диалектичного русского духа.

Русское сознание создано учениями, способными, опираясь на единый принцип, объяснить окружающий мир во всех его взаимосвязях. По видимости, это *общее требование ко всем историческим формам русской национальной идеи*, в каком бы обличье она ни выступала.

Душа русского человека невероятно чувствительна к "логической харизме", завораживающей силе аргументов и силлогизмов. Для нас почему-то невероятно важно, чтобы мир был объясненным³, причем не просто объясненным, а воспроизведенным из самых своих оснований при помощи единой методики, которая обретает в наших глазах значение религии.

Сила "русского марксизма" была в его "научности" ("учение Маркса всесильно, потому что оно верно"). Для русского слуха это не просто слова, это – музыка. Именно целостность русского марксизма обеспечивала то беспрецедентно безраздельное влияние, которое он имел на русские умы. Поэтому "русский марксизм" нельзя заменить

¹ "Потребность в целостном общественно-философском мирозерцании – основная потребность нашей интеллигенции в годы юности, и властителями ее дум становились лишь те, которые из общей теории выводили санкцию ее освободительных общественных стремлений, ее демократических инстинктов, ее требований справедливости во что бы то ни стало" [Бердяев, 1991, с. 27–28].

² "Понятно, – пишет А. Синаевский, – почему лозунги, написанные на знамени Октябрьской революции, завораживали массы... Ведь это чаще всего великие библейские и евангельские формулы, переведенные на язык самой актуальной революционной современности. Без имени Бога, но от имени человека, поставившего себя на место Бога" [Синаевский, 2001, с. 10].

³ Обращая внимание на то, какую важную роль в коммунистической идеологии играет "объясненность" мира, как велика магия объяснения для русского человека, Синаевский приводит поразительно точную цитату из выступления Ю. Олеши в 1935 г.: "Мы, юные поэты не понимали, как страшен был мир, в котором мы жили. Этот мир не был объясненным миром. Это было до того, как произошло великое объяснение мира. Теперь я живу в объясненном мире. Я понимаю причины. Чувство огромной благодарности, которое можно выразить в музыке, когда я думаю о тех, кто погиб ради того, чтобы сделать мир объясненным, чтобы объяснить его и перестроить" (цит. по [Синаевский, 2001, с. 42]).

чем угодно, какой-то красивой идеей или набором лозунгов. Ему может наследовать только такое же всестороннее и целостное "учение".

Но "русский марксизм" умер скоропостижно. Он не был опровергнут, а мистически исчез, растворившись в эклектическом вихре "новых теорий". Поначалу возникло радостное ощущение духовной свободы. Там, где раньше царила идейная монополия, появился идейный рынок, на котором каждый может выбрать "товар" по вкусу. Но вскоре выяснилось, что рынок этот сильно смахивает на "блошинный"... Идейные конструкции все больше попадались подержанные, из вторых рук и, как положено всякому "secondhand", быстро "рассыпались" в суровом русском климате. Стало очевидно, что западные теории основную массу людей "за душу не берут", что рядом с "политикой Садового кольца" возникла "идеология Садового кольца", либеральный официоз, созданный как франчайзер, своего рода духовный Макдоналдс. Власть почти молниеносно отреагировала на угрозу призывом к "созданию" русской национальной идеи.

Элементы национальной идеи

Официальные поиски национальной идеи ведутся сразу в двух направлениях: был сделан, во-первых, резкий крен в сторону православия, во-вторых, не менее мощный рывок в сторону "углубления" западного либерализма. Оба этих пути являются тупиковыми, что подтверждается практически полной бесплодностью всех предпринимавшихся попыток создать идеологию, обладающую реальным мобилизационным ресурсом.

Обращение к **православию** как к средству решения вставших перед страной новых проблем нельзя рассматривать иначе, как исторический курьез. От болезней недавнего прошлого решили излечиться при помощи рецептов далекого прошлого. Православие было первичной формой русского самосознания на протяжении нескольких веков, и именно его внутренний кризис, неспособность к развитию и реформации привели к тому, что в обществе зародилось альтернативное духовное течение. Пройдя несколько последовательных этапов в своей эволюции, оно кристаллизовалось как русский коммунизм, вытеснивший православие более ста лет назад, когда оно не могло далее играть роль национальной идеи. С тех пор православие, хотя и присутствует в русском самосознании, но только в опосредованном виде. Возврат к нему как к средству преодолеть неспособность теперь уже коммунизма выполнить свою миссию можно сравнить с попыткой защититься от землетрясения, спустившись в подвал.

Либеральный эксперимент на первый взгляд кажется гораздо более многообещающим. Но и здесь власть постигло разочарование. Во-первых, сама мысль о возможности "слепить" национальную идею "на заказ", как рекламный ролик (в духе эпохи рыночных преобразований сконструировать новую идеологию стали поручать различным командам наемных политтехнологов, работавших по контракту), кажется сомнительной. Во-вторых, как "заказчики", так и "подрядчики" ставили и ставят перед собой абстрактные задачи и плохо учитывают главное – кому, собственно, должен предназначаться "готовый продукт" и какие ограничения накладывает это на работу.

Поиск национальной идеи ничего общего не имеет со свободным полетом творческой фантазии. Его круг всегда ограничен объективными историческими и культурными рамками.

Даже самый беглый анализ русской истории показывает, что *русская национальная идея всегда была теснейшим образом связана с сущностью российской культуры и всегда лежала на пересечении главных тенденций развития российской и мировой цивилизаций*. Она возникает благодаря удвоенной энергии мощного потока внутреннего духовного поиска, попавшего в резонанс с мировым, общецивилизационным движением. Вообще "национальная идея" – явление исключительное, редкое. Отнюдь не каждый народ становится обладателем своей особой национальной идеи и, тем более, не всегда обладает ею на протяжении всей своей истории. Поэтому представление о том, что национальную идею можно изготовить на кремлевском идеологическом конвейере-

ре из импортных "запчастей", как импортный автомобиль отечественной сборки, страдает примитивизмом.

Национальная идея рождается в результате колоссального напряжения всех духовных сил народа, на пике его исторического рывка как единение мысли и воли, социального и нравственного движения, благодаря провидению элиты и подвижничеству масс. "Создавать" национальную идею – значит "путать божий дар с яичницей".

Русская национальная идея должна давать ответы на вопросы, которые **будоражат умы всего человечества**. В этом смысл великих слов В. Соловьева о русской идее как о всемирной идее. Только возвышаясь до "всечеловеческих" проблем как до национальных, народ становится реальным деятелем мировой истории, находится на подмостках истории, а не в зрительном зале. Лишь тогда он может опереться на энергию всемирной истории, попасть в струю основных тенденций мирового развития и в том числе за счет этого решить свои внутренние проблемы.

Напротив, если под национальной идеей понимается тот или иной аспект собственного выживания безотносительно к судьбе человечества, то такая "узкая" идея обрекает народ на маргинальное существование, лишая его малейших шансов на участие в мировой истории. Поэтому бессмысленны все попытки строить здание национальной идеи на патриотизме, модернизме и тому подобных фундаментах. Все, что замкнуто на себе, что выпячивает вперед либо собственную гордость, либо собственное несчастье, – обречено на неудачу.

В истории России национальная идея всегда (то есть практически в обоих случаях, так как у русских было две национальные идеи – православие и коммунизм) была ответом не только на собственную боль, но и на те вызовы, с которыми сталкивалось человечество. В первом случае это была судьба христианства и борьба с нехристианским миром, во втором – судьба социализма и борьба с мировым империализмом.

Именно поэтому рождение и Московского царства, и Советского государства были всемирно-историческими явлениями, а не фактами частной жизни отдельного народа. Именно поэтому и православие, и русский марксизм с самого начала стали претендовать на статус мировых религий. Именно поэтому они дали русскому народу изначально больше, чем государственную идеологию, обусловив великое историческое движение, великий духовный подъем и, как следствие, цивилизационный, культурный скачок.

Предпринимаемые попытки "сконструировать" национальную идею для русского народа обречены на провал, поскольку поставленная перед "профессиональными идеологами" цель – возрождение России – в масштабах мировой истории сугубо провинциальная, если не сказать – местечковая. *Это внутренняя проблема самой России, в ней не бьется пульс современности.* И, как следствие, в качестве рабочих гипотез на свет вытаскиваются идеи из "бабушкиного сундучка" (либеральные, консервативные, конституционные, федеративные, рыночные, всякие). Это в общем-то неплохие идеи, в принципе полезные, хорошо скроенные, ношенные не одним поколением европейцев и, хотя они чуть тронуты молью, вполне годные к тому, чтобы ими пользовалась пара поколений новых русских.

Но блеск и харизматическая сила таких идей давно потускнели, потому что для мировой истории это пройденный этап. Они греют снаружи, но не изнутри. Пульс человечества сквозь них уже не прослушивается, потому что сердце его отдано новым идеям. Человечество сегодня готовится принять вызовы глобализации и бурлящего поликультурного мира. Россия со своими "деревенскими" проблемами строительства на своей земле западной демократии и рынка по образцам XIX в. вызывает сочувствие, но не уважение. И по мере того, как человечество привыкает нас не бояться, оно перестает нас замечать.

Желание жить в комфорте – не национальная идея. Эксперимент по складыванию пазлов из кусочков европейского либерализма никогда не завершится созданием русского идейного полотна. Россия была и остается частью мира, и независимо от того,

осознается это или нет, она живет в энергетических потоках, обусловленных движением мировой истории.

Это напоминает исторический виндсерфинг. Или народу удастся оседлать волну мирового развития, и тогда он мчится по волнам истории далее, подгоняемый энергией океана мировой культуры, или он тренируется в бассейне с искусственными волнами, и тогда его исторический горизонт ограничен бетонными стенками исторических обстоятельств. В первом случае есть огромный риск захлебнуться, во втором – гарантированная возможность умереть от старости и немощи, так и не выйдя в открытое море мировой истории.

Идеи, которые сегодня русская власть хочет привить обществу, – правильные и хорошие. Но они не несут в себе заряд энергии, способной поднять народ на историческое движение. Эти мысли списаны из чужого учебника истории, они не трогают народную душу, учившуюся несколько веков по другим книжкам.

Любая идея, не вырастающая из собственной национальной почвы, не подготовленная всем ходом развития собственной мысли, какой бы замечательной она ни была, разделит судьбу розы, высаженной в песок. Она будет чахнуть, не имея возможности подпитываться творческой энергией собственной культуры. Именно поэтому в равной степени оказываются обреченными на провал попытки ликвидировать культурную и экономическую отсталость как за счет ожесточенного сопротивления чужому культурному влиянию, так и за счет фанатичного заимствования чужих идей и институтов, названных А. Тойнби, соответственно, "зелотством" и "иродианством" [Тойнби, 2002, с. 391]. Историческую перспективу имеет только **развитие** на собственной культурной основе, раскрытие собственного творческого потенциала.

Почему православие, которому русский народ обязан своей государственностью и независимостью, сегодня не стало знаменем нового движения? Почему на Руси так много православных иерархов и так мало православных подвижников? Потому что православие остановилось в своем творческом развитии, усохло в догму и сталоместищем ретроградных взглядов. Православие органично для русской культуры, но в существующем виде оно исчерпало себя и не может предложить ответы на новые вызовы истории.

Почему либерализм, который мог долгие годы быть национальной идеей европейцев, не вдохновил русских, оставшись идеологией элиты, но не народа? Нет ли в этом какой-то ущербности или, наоборот, национальной особенности, которой надо гордиться? Ответ лежит в совершенно другой плоскости. Для западной культуры либерализм является ее органичной частью, он вырос из нее тысячелетиями, он связан тысячами нитей с жизненным укладом, образом мысли и веры, наукой и искусством западной цивилизации. Для того, чтобы либеральные идеи, от конституционализма до капитализма, прижились на русской почве, их надо перенести сюда со всеми их корнями – протестантской верой, позитивистской наукой, буржуазной этикой труда и т.д., и т.п. Но это невозможно, потому что тогда требуется заново переписать русскую историю.

Либерализм – великое достижение западной цивилизации. Либеральные идеи оказывали и будут оказывать огромное влияние на мировую историю, в том числе на российскую. Но Россия пока *не выносила либерализм в себе*. Это приемное дитя, и требуется время, чтобы оно прижилось как свое.

Россия – страна православная. Это тот паттерн русской культуры, который лежал и продолжает лежать в ее основании. История, однако, уже выстроила на этом фундаменте многоэтажный дом. И чтобы достроить в нем еще один этаж, надо принять в расчет всю летопись стройки и сложившуюся архитектуру здания.

Православие воспитало в русском народе такие черты, как абсолютность и тотальность восприятия, стремление сохранить целостность образа, скептицизм в оценке эффективности анализа как способа познать истину. Как бы потом ни менялся национальный характер, эти качества в нем всегда можно было проследить в явном или неявном виде. Русским тяжело даются релятивизм и рациональность.

К середине XIX в. православие, подорванное петровскими реформами и низведенное до роли имперского "агитпропа", оказалось в глубоком кризисе. Религиозная энергия народа, не имея иного выхода, оказалась рассредоточена между маргинальным старообрядством, русским атеизмом и идеалистической русской философией. Старообрядство, будучи архаичной (реликтовой) формой русского православного религиозного сознания, не имело исторической перспективы. *Будущее было либо за русской революционной демократией (атеизмом), либо за русской религиозной философией.*

Русский атеизм – явление столь же неистовое и тотальное, как и отринутое им православие. В нем православие не исчезло, оно *перетекло в свою противоположность*. Это была попытка создать рациональную идеологию иррациональными средствами.

Если русская религиозная философия казалась старомодным морализаторством, то рождение русского атеизма вписалось в общую тенденцию развития стремительного "материалистического" века. И когда русский "богоборческий" рационализм пересекался с европейским марксизмом (в свою очередь, самым тотальным материалистическим учением того времени, притом обладавшим известным мистическим зарядом, как более связанным с идеалистической немецкой философией, чем с господствующим в современной ему науке позитивизмом), прошла та самая искра, которая знаменует рождение великих идеологий.

То, что родилось, еще не было марксизмом в европейском понимании, но уже не было русским атеизмом, по природе своей бессистемным и анархическим. Это было качественно новое философско-религиозное учение – русский марксизм.

Русский марксизм и его преодоление

Русский марксизм – совершенно самостоятельное идейное течение, хотя и сохраняющее родственные связи со своими "прародителями". Это не случайность, а исторически обусловленное выражение самосознания русского народа.

Схлестнулись два потока – смутное стремление к рациональности в русской душе и реальное движение к рациональности в европейской мысли. Все это покоилось на мощном фундаменте поисков социальной справедливости. В результате произошло то, чего так не желал реальный К. Маркс, – из "метода" возникла "система", в которой черты, свойственные православному мышлению, не только сохранились, но и усилились.

Сегодня, когда русскому марксизму исполнилось более ста лет, важно не то, хорош он или плох, а то, что до последнего момента именно он формировал национальное сознание. Поэтому новая национальная идея, если это суждено, может родиться только из его преодоления, из философского отрицания. Никакой другой внутренней платформы для решения данной задачи просто не существует.

Нежелание осмыслить историческую роль русского марксизма превращает любые поиски национальной идеи в "алхимический" эксперимент по созданию национально-философского камня. Новая русская национальная идея может либо вырасти на почве творческой переработки русского марксизма, либо не появиться вовсе. Будущее русской мысли – русский марксизм.

Русский марксизм – не тот камень, который легко поддается обработке. За столетие своего существования он приобрел **все черты религиозной догмы**. Это учение внутренне цельно, если не сказать монолитно, всесторонне и универсально. В основе такой "тотальности" лежит единство используемого для разрешения любых вопросов метода и то исключительное внимание, которое уделяется в нем вопросам методологии.

"Улучшить" русский марксизм нельзя, не разобравшись с его методом. Это объясняет, в частности, почему в эпоху посткоммунизма русский марксизм оказался вне серьезной критики со стороны приверженцев как "либеральных", так и "православных" идей. Легко в пух и прах разбить "коммунистическую утопию", но мало найдется смельчаков, желающих поработать над преодолением "марксистской диалектики". Очень благодарный труд...

В итоге через пятнадцать лет "свободомыслия"⁴ в России возникло выдающееся по своим масштабам эклектическое идейное панно. На подавленную в массовое "подсознание" марксистскую основу были насажены "системные блоки" различных теорий: либеральных, православных, консервативных, монархических, фашистских. Каждая из них по отдельности конкурирует друг с другом, и все вместе они находятся в глубоком конфликте с национальной культурой.

Чтобы выиграть в этой идейной борьбе, надо предложить новый "научный" метод, который заменил бы "диалектический материализм" как скрытую основу мировоззрения русского человека эпохи посткоммунизма. На этом уровне борьба даже не начиналась, не было желающих выйти на ринг. А между тем предмет для разговора есть.

В качестве исходного пункта поисков путей обновления русской идеологии внимание может быть обращено **на различие "акцентов" в европейском и русском марксизме**. В европейском марксизме, который гораздо ближе к аутентичному варианту, в центре внимания оказывается диалектика. Выражение материалистических взглядов занимает у классиков марксизма весьма скромное место. Материализм Маркса относительно, марксизм "материален" в основном как антитеза гегелевскому идеализму, то есть в рамках достаточно узкой философской дискуссии. В зрелые годы "классики" больше внимания уделяли борьбе с перегибами и передержками вульгарного материализма, чем развитию собственно материалистического подхода.

Кроме того, более тщательный анализ может показать, что "идеализм" всегда в той или иной скрытой форме присутствует в построениях европейских марксистов. Достаточно попытаться проанализировать с этой точки зрения базовые категории "деятельности" и "производства", чтобы понять, что здесь больше вопросов, чем ответов ("деятельность" несет в себе творческое начало, но почему?).

В русском марксизме на первый план выходит материализм. Диалектика, напротив, страдает. Учение в целом принимает ярко выраженный атеистический, "натуралистический" характер. Само обозначение марксистского метода в России как "диалектического материализма" уже о многом говорит.

Это движение от диалектики к материализму не случайно, оно возникает как следствие пересечения исторических орбит марксизма и русского идейного наследия. К концу XIX в. в России сформировалась особая революционно-демократическая культура, системно завершённый комплекс философских и социальных воззрений, носителем которых стал специфический общественный класс – интеллигенция. Взгляды этого класса были зеркальным отражением православного мирозерцания, но со знаком "минус". Эта революционно-демократическая культура отличалась мощнейшим агрессивным энергетическим зарядом, и притом была демонстративно атеистической.

Материализм стал для русских религией, предметом фанатичного поклонения. "Разрядившись" в европейскую марксистскую философию, этот материалистический заряд и привел к смещению акцентов. **Стратегия "преодоления" русского марксизма может состоять в сращивании "марксизма" и "атеизма", диалектики и материализма.**

В развитии любой идеологии всегда заложены различные, порой конфликтующие между собой тенденции, задающие набор возможных сценариев. Эволюция православной мысли в России также шла двумя путями. Наряду с революционно-демократическим догматизмом рубежа XIX–XX вв. из недр православного сознания выросла уже упоминавшаяся русская идеалистическая философия – социально ориентированное, гуманистическое, диалектическое и, что наиболее важно, умеренно рациональное религиозное учение. Это была первая робкая попытка русской духовной реформации. Она обладала высочайшим интеллектуальным потенциалом, однако так и осталась в истории русской идеологии одной из нереализованных возможностей.

⁴ В эту эпоху "свободомыслие" многими воспринималось как свобода от мысли.

Развитие получила другая линия. Скрещивание русской революционно-демократической мысли с европейским марксизмом породило чрезвычайно жизнеспособный гибрид. Русский марксизм легко выдержал соревнование со всеми другими течениями русской мысли, отодвинув в сторону и новую русскую религиозную философию.

В той первой схватке за право быть национальной идеей русский марксизм одержал верх и водрузил над Россией знамя, где на лицевой стороне можно было прочесть "диалектический материализм", а на изнанке – "православный атеизм". Через сто с лишним лет пришло время реализовать вторую из возможных опций соединения марксизма с русским культурным наследием. Формулу "марксизм плюс русский революционный атеизм" может заменить формула "марксизм плюс русская религиозная философия".

Парадокс состоит в том, что сегодня **преодоление в русском марксизме атеизма на практике является единственно возможной формой его секуляризации, то есть превращения из теологического в философское учение.** Русский атеизм был неистовой сублимированной религиозностью. Эти свои качества он передал по наследству и русскому марксизму, ставшему полухристианской, полуязыческой мировой религией (для которой сохранение Мавзолея, кстати, – вполне органичное явление). Более того, рождение русского марксизма как раз и придает выросшей на русской почве религиозности мировое значение⁵. Лишенный материалистического догматизма, русский марксизм перестает быть религией и начинает превращаться в идеологию.

Одновременно "реинкарнация" русской религиозной философии XIX–XX вв., ее соединение с потенциалом марксистской диалектики (тем более что большинство русских философов этого направления прошли через "школу марксизма") открывает путь к решению важнейшей для России задачи последних двух столетий – реформации православия, рационального переосмысления религиозных постулатов русской церкви, предоставляет русской церкви шанс на развитие.

То, что логика жизни подталкивает русских сегодня **к соединению марксизма и христианства**, очевидно для многих. Загвоздка в том, **каким образом это соединение будет произведено: конъюнктурно, механически, или творчески, диалектически.** Как православие в XIX в., так и русский марксизм в XX в. закончили свою эволюцию превращением в застывший безжизненный официоз, не имеющий никакого отношения к живой развивающейся культуре. Православие выродилось в "уваровскую триаду". То же случилось на рубеже XX и XXI вв. с русским марксизмом, бесславно умершим в сусловском "развитом социализме". Как бы ни был жалок этот идейный гербарий, он тоже стал частью нашего исторического наследия.

Есть, однако, и любители "политической ботаники". Наиболее кощунственной и одновременно комичной выглядит попытка современной компартии соединить официальный марксизм с официальным православием и представить это в качестве новой национальной идеи. Это похоже на попытку получить живого динозавра, высиживая два окаменевших яйца.

Для действительного решения великой интеллектуальной задачи соединения марксизма и христианства нужен *акт творения*, коллективное духовное озарение, позволяющее свести воедино два метода, две философии, два мира. Когда православная лава, застывая, медленно превращалась в базальт государственной религии, рядом уже курился полный энергии вулкан революционно-демократической мысли. Из его извержения, разрушительная сила которого была усилена пронесшимся над Россией ураганом марксизма, родилась новая национальная идея. Сто лет спустя ситуация выглядит иначе. Энергия русского марксизма иссякла, но никакой серьезной духовной альтернативы ему не возникло. А из Европы вместо урагана пришел небольшой циклон, пролившийся на русскую почву скромными либеральными осадками.

⁵ Не в православии, а в марксизме Россия приобрела всемирное величие, именно в советский период, а не в эпоху империи русская цивилизация находилась в зените своего социокультурного движения.

Поэтому на рубеже XIX и XX вв. духовный взрыв разорвал Россию раньше, чем произошел социальный и политический коллапс (этим частично объясняется, почему революция в России набирала силу в момент, когда экономическое развитие находилось на подъеме и страна приступила к выстраданным политическим и конституционным реформам), а на рубеже XX и XXI вв. сначала рухнули изжившие себя экономические и политические институты, а потом страна впала в духовную прострацию, лихорадочно пытаясь заполнить образовавшийся идейный вакуум. С сегодняшние осмысление и поиски происходят не на волне революционного подъема, а в эпоху послереволюционного разочарования. Это и делает их столь сложными. **Новая русская идея для того, чтобы состояться, должна пролить свет не только на судьбу России, но и на судьбу Человечества.**

Точки соприкосновения диалектики и веры ищутся сегодня мучительно. И марксизм, и православие в России находятся ныне в интеллектуальном тупике. Превратившись в закрытые теологические и идеологические системы, они утратили способность к самосовершенствованию. Единственный способ выйти из тупика – разомкнуть систему, сделать русский марксизм открытым к восприятию тех изменений, которые происходят в окружающем мире, вернуть ему статус универсальной социальной теории.

Между тем в мировой науке именно сегодня произошли, как минимум, два мощных рывка (в генетике и астрофизике), обострившие вечную дискуссию о соотношении знания и веры, материального и идеального, заставляя по-новому посмотреть на проблему взаимоотношений Человека и Бога. Может быть, именно эта дискуссия поможет русскому марксизму выйти из методологического кризиса и преодолеть ту искусственную дихотомию материи и сознания, на которую он сам себя обрек под влиянием русского атеизма.

В отличие от сугубо "материалистичного" XX в. в XXI в. над миром вновь дует ветер идеализма. Если достижения генетики способствовали появлению второго дыхания у вульгарного материализма, объясняя практически все духовные способности человека мутацией генов, то на другом полюсе физики и астрофизики возникли прямо противоположные тенденции. Была существенно уточнена научная картина возникновения и развития Вселенной и описаны ее новые параметры⁶.

При этом туманности, рассеявшиеся в физике, ступились в философии. Исчезла та простота мировосприятия, которая позволила в свое время русским материалистам с пренебрежительной легкостью отвергнуть все предостережения. Н. Бердяев был одним из тех, кто острее всего предчувствовал этот грядущий кризис: «Идеи, которые многим еще продолжают казаться "передовыми", в сущности очень отсталые идеи, не стоящие на высоте современной европейской мысли. Сторонники "научного" миросозерцания отстали от движения науки на полстолетия... Наша "передовая" интеллигенция безнадежно отстает от движения европейской мысли, от все более и более усложняющегося и утончающегося философского творчества. Она верит в идеи, которые господствовали на Западе более пятидесяти лет тому назад, она все еще серьезно способна исповедовать позитивистическое миросозерцание, старую теорию социальной среды и т.п... Традиционный позитивизм давно уже рухнул не только в философии, но и в самой науке. Если никогда нельзя было серьезно говорить о материализме как направлении полуграмотном, то невозможно уже все-речь говорить и о позитивизме, а скоро нельзя будет говорить о критицизме Кантовского типа... Раскрываются новые перспективы "космического" мироощущения и мирознания. Общественность не может уже быть оторванной и изолированной от

⁶ Удивительно, что картина мира, даваемая современной наукой, с неимоверной точностью совпадает с представлениями о Вселенной в восточной философии, сформулированными около трех тысяч лет назад, например, в китайской "Книге перемен". А описание процессов, протекавших, по мнению ученых, сразу после Большого взрыва, неизбежно вызывает навязчивую ассоциацию с библейской версией возникновения мира. Можно только наметить пунктиром некоторые вытекающие отсюда гипотезы.

жизни космической, от энергий, которые переливаются в нее из всех планов космоса. Поэтому невозможен уже социальный утопизм, всегда основанный на упрощенном мышлении об общественной жизни, на рационализации ее, не желающий знать иррациональных космических сил» [Бердяев, 1990, с. 87].

То, что столетие назад было гениальным предвидением, сегодня становится свершившимся фактом. Роковое значение для судьбы русского марксизма имеет происходящее на наших глазах размывание границ "материального", этого краеугольного камня русского атеизма. Структура Вселенной оказывается сама по себе "нематериальной"⁷.

Европейская мысль давно вынуждена была отворить двери "иррациональному космизму", признав существование двух начал общественной жизни – духовного и материального. И только Россия продолжает метаться между верой и атеизмом.

Устранение атеизма как составной части русского марксизма открывает перспективу соединения марксистской философии с русской религиозностью в ее непосредственной, а не в "превращенной" форме. Это новое соединение может быть названо "русским неомарксизмом".

Русский неомарксизм может иметь определенные параллели в развитии с европейским неомарксизмом, но непосредственно с ним не связан. Если он состоится, это станет сугубо национальной формой освоения как отечественного, так и мирового опыта, опирающейся на собственные духовные корни. В его рамках сохранится общая структура мировосприятия, которая была заложена русским марксизмом. Но взаимоотношения между основными элементами – "сознанием" и "деятельностью", "индивидом" и "обществом", "экономикой" и "обществом", "обществом" и "государством", "государством" и "идеологией", и другими – станут гораздо менее однознач-

⁷ Сознание в свете новых знаний о мире видится не столько как свойство "высшей формы движения материи", сколько как свойство Вселенной. В мире, состоящем из универсальных взаимодействий, "объективное" и "субъективное" могут оказаться по одну сторону баррикад. Мысль нематериальна, но она объективна. Можно предположить, что Вселенной присуще изначально некоторое "смысловое измерение", возникшее одновременно с известными нам измерениями в момент Большого взрыва. Возможно, существует и определенная энергия, являющаяся воплощением этой "смысловой составляющей" Вселенной.

Если Вселенная изначально "осмысленна", то развитие (эволюция) материи как части Вселенной происходит в этом смысловом поле, подчиняется его высшей логике. Сама эволюция оказывается осмысленным процессом. Таким образом, может подтвердиться догадка академика А. Берга о направленном характере эволюции.

На определенном этапе развития из бездны разнонаправленных взаимодействий возникают стабильные сочетания, "паттерны", называемые нами материей, а затем появляются и особо сложные системы, способные непосредственно взаимодействовать со смысловым полем Вселенной. По сути, человек есть сложнейшее "приемо-передающее устройство", материальное с "субстанциальной точки зрения", имеющее возможность взаимодействовать с нематериальным смысловым полем Вселенной.

Эту функцию способен выполнять только социум, а не отдельный человек. "Смысловое поле" может быть "зафиксировано" только при помощи языка, когда оно "капсулируется" в слове. Только в процессе *общения* люди взаимодействуют со смысловым полем и создают *культуру*, как "шлак", как "осмысленную материю".

Взаимодействие смысла и материи носит, таким образом, глобальный характер. Но человек уникален тем, что он делает это *непосредственно*. О формах косвенного взаимодействия мы мало что знаем. Способность человека мыслить обусловлена в этом случае извне, она есть следствие его способности воспринимать смысловую энергию Вселенной, поглощать ее и возвращать, по всей видимости, обратно. Человек существует не в пространственно-временном, а в пространственно-временнó-смысловом континууме Вселенной.

При таком подходе в науке находится место и для Бога. В этом случае Бог есть Высший смысл и Высшая гармония Вселенной, которые человек способен воспринять и отразить. Бог объективен, но он нематериален. Человек действительно создан по его подобию, но не физически, а духовно, так как наша духовность есть лишь отражение мирового смысла и мировой гармонии. Возможно, человек действительно бессмертен в том смысле, что его духовная энергия не исчезает в никуда, не ограничивается "капитализацией" в культуре ("социальном шлаке"), но впитывается этим вселенским полем смысла и продолжает существовать там в нематериальном, виртуальном виде.

ными. Одностороннее воздействие и причинно-следственная связь, характерные для русского марксизма, могут быть заменены на взаимодействие и вероятностную связь, что больше соответствует современному взгляду на мир и на историю⁸.

Развитие общества направляется не только и не столько экономикой, хотя роль последней нельзя отрицать. Государство может быть не только "оформлением" гражданского общества, но и силой, способной формировать и общество, и экономику. При сходном уровне развития производительных сил особенности верований могут привести к возникновению принципиально разных экономик. Все эти новые истины должны быть вписаны в марксистский теоретический контекст. Для этого русский неомарксизм должен опереться на новую исходную категорию, объединяющую все то, что до сих пор было разъединено, выступая то одной, то другой стороной противоречия.

В основание социальной теории русского неомарксизма может быть положена культура. Культура должна занять то место, которое ранее в теории русского марксизма было отведено обществу. Это – исходная точка формирования новой картины социального мира, построенной на взаимодействии и вероятности. Такое изменение философской парадигмы соответствует как логике внутреннего развития русской мысли, так и тенденциям развития мировой социальной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.

Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.

Синявский А. Основы советской цивилизации. М., 2001.

Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2002.

© В. Пастухов, 2004

⁸ Такой взгляд, на самом деле, гораздо ближе мировоззрению создателей марксизма, которые были очень осторожны, особенно в конце жизни, в постулировании однозначной зависимости исторического процесса от уровня экономического развития.